

ГЛАВА I

ШКОЛА — МЕСТО ДЛЯ САМЫХ СТОЙКИХ

Этой солнечной морозной зимой школы ко-сила эпидемия.

Не успели закончиться зимние каникулы, как стало известно, что к занятиям приступит далеко не каждый ученик — по причине свирепствовавшего в городе гриппа. После первой недели занятий руководством школ города стало всё чаще произноситься страшное для учебного процесса, но радостное для детей слово «карантин». Карантин — это значит: на уроки не ходи, делай что хочешь, то есть — СВОБОДА!

Но пока на занятиях присутствовало количество учеников, входящее в тот процент, по которому определяется отметка карантина, школа не закрывалась.

Точно так же обстояли дела и в школе номер семнадцать, которая находилась на окраине го-

Пудель бродит по Европе

рода. По особому распоряжению директора ученика, чихнувшего больше двух раз за урок, необходимо было немедленно освободить от занятий и отправить домой. Этим многие пользовались — старательно чихали, сморкались и кашляли, тяжело вздыхали и жалобно возводили глаза к потолку. «Нет, не надо нас, страдальцев, жалеть, — без слов говорил учителям их скорбный вид, — мы, конечно, посидим тут, на уроках, помучаемся. А то, что состояние наше — предсмертное, так это неважно, мы ради знаний на всё готовы, ах, апчхи!..» Ну как не отпустить домой такого больного ребёночка? Учителя отпускали, тем более что отличить симулянта от действительно заболевшего было трудно. Пусть, думали они, разрешая очередному ученику уйти с уроков, посидит дома, так, может, хоть не заразится.

Арина Балованцева очень любила прогуливать уроки. Но сейчас гордо сидела на занятиях, демонстрируя, что поступать, как все, она не будет.

«Дешёвый трюк. Это не наш метод!» — так сказала Арина своему другу Вите Рындиному, когда тот предложил ей тоже прикинуться больными, уйти из школы и отправиться в овраг кататься на горке, залитой водой из лопнувшей трубы отопления.

— После уроков туда и наладимся, — заявила Арина.

На горку ей тоже очень хотелось — ведь ещё утром она увидела, как блестит на солнце лёд. Вода таким мощным потоком хлынула из трубы и устремилась вниз к склону оврага, что, казалось, её не остановить. Но ремонтная бригада подкатила к месту аварии очень быстро, воду перекрыли и начали латать прорвавшееся место. А вода моментально застыла на двадцатиградусном морозе — и теперь на замечательной ледяной горе уже наверняка катались первые счастливики!

— Мы пойдём другим путём, Витя, — добавила Арина, косясь на свирепую училку по прозвищу Овчарка, которая в бело-голубой медицинской маске на морде вышагивала возле классной доски и тыкала острой указкой в ужасные по своей непонятности надписи вдоль сторон нарисованных на доске треугольников. — Если обманывать, то уж по-крупному и красиво. А это мелкий позор. Что мы, не отмучаемся геометрию и ещё три урока?

Ну вот такая Арина была оригиналка.

— Отмучаемся, — согласился Витя.

Свирепая Овчарка грозно гавкнула на них из-под своего намордника, ребята переглянулись и замолчали. Витя уставился на доску с наводящими тоску треугольниками и попытался услышать, а если повезёт, и понять то, что по поводу этих треугольников вещала Овчарка. А Арина даже и пытаться не стала. Геометрию она не любила, а по-

Пудель бродит по Европе

тому положила голову на свою шапку, что лежала на парте, сладко вздохнула и закрыла глаза. Шапка навевала нежный сон, а спины одноклассников, хоть строй их и значительно поредел, всё-таки надёжно загораживали Арину Балованцеву от взора учительницы. Девочка пригласилась на мягком мехе, на лице её появилась довольная улыбка.

В этой шапке Арина пришла сегодня в школу первый раз — и сразу же шапка стала центром внимания. Арину обступили одноклассники, гладили шапку, играли с её пышными помпонами, примеряли по очереди. Арина была не против.

— Что за мех такой необычный?

— Да, что за мех? — интересовались у неё.

— Снежный баран, сказали, — пожимая плечами, без особой гордости за своё имущество отвечала Арина.

Но шапулька на самом деле оказалась просто обыкновенной — на алой атласной подкладке, из густого белого меха с рыжими пятнышками. Мех был подстрижен ровными симметричными волнами — и казалось, что это пушистое меховое море подёрнулось мелкой рябью. Эту шапку несколько дней назад подарил Арине откуда ни возьмись объявившийся одноклассник отчима Константина Александровича — некий дядя Валера, коммерсант. Он пришёл к Константину Александровичу, руководителю банка, чтобы попросить выдать ему

особо выгодный кредит по старой дружбе. Дядя Валера заявился в их дом не просто так, а с дарами: очаровывая мадам банкиршу, в смысле Аринину маму, он преподнёс ей муфту из настоящего лемура мадагаскарского, капризную приёмную дочку Ариночку, о которой был откуда-то наслышан, он осыпал вот этой шапкой из снежного барана. А ещё одну женщину в доме — бабушку Настю, мать Константина Александровича, коммерсант не учёл, лишь, с трудом сгибаясь из-за шарообразного живота, поцеловал ей ручку. И принялся тарыхтеть комплименты уже всей семейке в целом.

Арине это не понравилось, она забросила подарочную шапку в шкаф и тут же забыла и о ней, и о дяде Валере, который скоро скрылся в кабинете Константина Александровича и продолжил своё льстивое бормотание уже там.

Но о шапке из драгоценного меха вспомнила Аринина мама. Она отыскала её и заставила Арину непременно пойти в этой шапке в школу — чтобы не мёрзнуть на морозе и не подхватить вирус. Мама собственноручно надела на дочь-семиклассницу эту красивую пушистую шапку, завязала бархатные верёвочки.

Так что деваться было некуда. Арина направилась в школу. Белые помпоны весело качались в такт шагам — как будто какая-то неведомая зверюшка бежала на мягких лапках вместе с Ариной.

Пудель бродит по Европе

Девочке это даже понравилось. И к шапке она стала относиться лучше.

Но лишь до того момента, пока она не стала вызывать к себе повышенный интерес. Сейчас же, на нудном уроке, Арине казалось, что пожадничал дядя Валера, — нужно было ей спальный мешок из этого снежного барана дарить, а не шапку. В мешке-то уж точно уютней спать...

...Витя Рындин перехватил взгляд Димы Почечулина, который сегодня все уроки и перемены бросал на Арину странные взгляды. И сейчас у этого Почечулина взор был какой-то ну совсем уж тоскливый.

«О, как он у нас к Балованцевой неравнодушен! — ревниво подумал Витя. — Влюбился, что ли? Нет, наверно, просто заболел. Ну, если заболел, тогда прощаю».

От этой мысли Вите стало полегче.

Так получилось, что пока грипп не подобрался ни к Арине, ни к Вите, хотя болела почти половина их класса. Сидела дома Зоя Редькина, сама себя лечила чесноком и горчичниками (родители никогда всерьёз не интересовались её проблемами), болел и Костик Шибай — вот ему-то доставалось лечение в полном объёме. Его мама очень любила лечить сынишку. И сейчас он неподвижно, чуть ли не привязанным лежал в постели и каждые полчаса

принимал какое-нибудь лекарство или подвергался лечебной процедуре. По-хорошему, как поняли Арина и Витя, навещая своих друзей, Зою с Костей надо бы поменять местами — отдать Костиковой маме подлечить как следует дохленькую, слабенькую Зою и отпустить практически здорового Шибая на свободу. Но это было, понятное дело, нереально — поэтому ребятам пришлось лишь узнать названия лекарств, которыми пичкали Костика, и купить точно такие же для Зои.

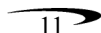
Вчера вечером Арина занесла таблетки и витаминки в жилище Редькиных — и теперь надеялась, что скоро Зоя пойдёт на поправку.

Самой же болеть ей очень не хотелось. И Арина верила, что не поддастся гриппу ни за что.

Но ему поддавались другие. После геометрии был урок физкультуры, который вёл классный руководитель Ариного седьмого «В», красавец мужчина Пётр Брониславович Грженержевский. Он-то и сообщил в конце урока, что после физкультуры занятий больше не будет — заболели сразу две учительницы. Так что можно с чистой совестью всем отчаливать домой.

Моментально собрав вещички, седьмой «В», довольный жизнью, тут же вылетел из раздевалок и устремился на волю.

Мимо Арины Балованцевой прошёл Дима Почечулин, снова посмотрел на неё грустным долгим

Пудель бродит по Европе

взглядом, вздохнул и отправился вперёд по коридору.

— Чего он так на тебя смотрит? — шепнул Арине Витя, кивая вслед Почечулину.

— Да он уже давно такой, — ответила Арина.

А ведь и правда, Димка вот уже почти месяц ходил грустным, поначалу даже с заплаканными глазами. И вот в чём было дело — его пёс, огромный красноглазый сенбернар Харитоша, пропал. Его весь седьмой «В» хорошо знал и любил — Почечулин жил у самой школы и часто гулял с Харитошей поблизости. На сенбернаре можно было кататься верхом, он, как слонёнок, таскал на себе ребят, любил всех людей без разбора, обожал пробежки на далёкие расстояния без хозяйского сопровождения, наматывал несколько кругов по кварталу, однако всегда возвращался. Но однажды не вернулся, и напрасно Дима и родители много часов подряд носились по улице, звали Харитошу, опрашивали прохожих. Даже дали объявление в интернете и газетах. Но пёс не нашёлся.

— Жалко Почечулина, — вздохнул Витя, вспомнив о беде Димки. У самого Вити никогда никаких животных дома не было. Разве что у дедушки в деревне — те, что шли в конечном счёте на дальнейшую переработку: куры, утки, поросята.

— Жалко, — согласилась Арина, вместе с бурным потоком одноклассников устремляясь к выходу.

Пролетая мимо Петра Брониславовича, который стоял в коридоре у раздевалок и давал напутствия своим питомцам на дорожку, Арина Балованцева вдруг заметила, что и тот как-то необыкновенно грустен, хоть и старается выглядеть задорным бодрячком.

— Пётр Брониславович, а вы, случайно, тоже не заболеваете? — спросила она, вырываясь из толпы. — Скажите, вам чихается или кашляется?

— Эх, к счастью, нет, Ариночка, не заболеваю. Не кашляю и не чихаю... — печально вздохнул молодой учитель.

— Так это же хорошо! — бодро воскликнула Арина.

Но Пётр Брониславович обречённо пожал плечами и ссутулился. Такую картину можно было наблюдать крайне редко — осанка у учителя физкультуры, в прошлом прапорщика регулярной армии, была отменной. А если уж он позволяет себе ссутулиться — значит, плохо дело, прямо-таки дело швах...

Увидев, что Арина заглядывает Петру Брониславовичу в лицо и что-то заинтересованно у него выспрашивает, Витя Рындин тоже подошёл к нему.

— ...Значит, у вас что-то случилось, — тем временем говорила Арина. — Ведь случилось, и что-то неприятное, так ведь?

— Эх... Случилось, — в очередной раз тяжело вздохнув, произнёс Пётр Брониславович.

Пудель бродит по Европе

— Может, вы расскажете? — не отставала Арина. — Если это, конечно, не личная тайна.

— Да, — подтвердил её вопрос немногословный Витя Рындин.

Пётр Брониславович посмотрел на девочку, на мальчика, которые, задрав головы, сочувственно вглядывались ему в лицо...

Случиться-то случилось... Рушилась его счастливая семейная жизнь — вот что случилось! Из-за глупой, даже смешной ерунды. Но как рассказать детям о том, что произошло?

— А! Эх... — Пётр Брониславович, точно разгоня невидимых назойливых привидений, махнул своей сильной рукой. — Слушайте. Может, я и дурак, но что делать, не знаю. А вдруг вы мне можете...

И он начал свой рассказ.

Арина и Витя слушали внимательно. Пётр Брониславович повествовал о своих горестях, забыв обо всём вокруг; Арина Балованцева острым зрением не отличалась, и поэтому только Витя заметил, как из-за двери раздевалки мальчишек выглядывает чьё-то чуткое и довольно знакомое ухо-локатор. Выглядывает, настраиваясь на приём волны, которая могла сообщить что-то интересное.

Витю так и подмывало одним прыжком броситься к двери и рассекретить человека-ухо. Од-

нако почти на сто процентов Витя был уверен, что и рассекречивать-то особо нечего. Потому что наверняка прячется за неплотно закрытой дверью и подслушивает не кто иной, как поэт и гражданин, которому до всего на свете всегда есть дело, — Антоша Мыльченко.

Снова посмотрев на любопытное ухо, Витя Рындин усмехнулся — наивный Мыльченко уверен, что не обнаружен, а потому крут... Но Витя тут же закрыл рот ладонью — не дай бог Пётр Брониславович решит, что это он над ним смеётся, и обидится. А обижать любимого учителя Вите совершенно не хотелось.

ГЛАВА II

СОВЕТЫ БУДУЩИМ ПУДЕЛЕВОДАМ

Ни для кого в седьмом «В» не было секретом, что совсем недавно их классный руководитель Пётр Брониславович женился на молодой женщине по имени Галина Гавриловна. Из-за этого каждый день он бывал теперь на работе в особенно приподнятом и радостном настроении, шутил, часто весьма остроумно, не зверствовал на уроках и вообще был чудо что за учитель.

Никогда раньше Петру Грженержевскому не попадалось столь весёлых, умненьких и шустрых особ женского пола. А тут вдруг, во время экскурсии на